

Оказавшись в знакомой комнате, они не встретили неожиданной атаки лицом к лицу. Но сумрачный свет за окном мгновенно объяснил Лу Хуэю его тревожное предчувствие.

Сейчас, скорее всего, было около десяти вечера. А к одиннадцати, к часу Крысы... Лу Хуэй вспомнил записи в дневнике: [Сестра] выходила по ночам, а позже, набравшись сил, стала появляться и днём. Значит, в этом инстансе действует правило ночной активности. Час Крысы — пик зловещей силы, момент наивысшего могущества.

Им нужно уничтожить [Сестру] до полуночи.

Если они дотянут до часа Крысы... Лу Хуэй сомневался, что они с Мин Чжаолинем, даже выложившись на полную, смогут с ней справиться. Учитывая, скольких она уже поглотила. Даже с поддержкой Чжу Люй и остальных шансов было мало.

Поэтому они не стали медлить и тратить время на обсуждения, а начали действовать.

Ещё не успев спуститься с лестницы, они столкнулись с мальчиком — двойником [Брата]. Лу Хуэй уже видел его однажды, когда тот прижал его к двери толпой кукол.

Встреча сулила месть. Лу Хуэй мгновенно рванул вперёд, и в его пальцах замелькал нож-бабочка, описывая смертоносные дуги.

Мальчик вздрогнул и потянулся было призвать кукол, но действие способности Мин Чжаолия «Ветер» ещё не закончилось. Появившиеся куклы тут же были сметены воздушным потоком.

Скорость Лу Хуэя была слишком велика, а у мальчика не было иной защиты. В тот миг, когда лезвие коснулось его шеи, Лу Хуэй ощутил, как нож скользнул сквозь нечто хрупкое, будто стекло, и легко, без сопротивления, рассёк плоть.

Нож был куплен в игровом магазине и острее настоящего в десятки раз, почти магический артефакт.

Крови не было. Голова мальчика соскользнула, обнажив мерцающую зеркальную поверхность. Лу Хуэй резко откинулся назад, упёрся пяткой в пол и оттолкнулся рукой, выполняя сальто назад на одной руке...

Он был ещё в воздухе, когда мальчик взорвался. Осколки рассыпались звёздной пылью, но не разлетелись в стороны.

Лу Хуэй приземлился. В тот же миг порыв ветра Мин Чжаолиня подхватил осколки и унёс прочь — словно душу рассеяло по воздуху.

Картина была прекрасна, но любоваться ей никто не стал. Лу Хуэй не пошёл вниз, а распахнул дверь детской.

Как он и ожидал — внутри пряталась девочка.

Эта девочка отличалась от той, которую они видели в [1 июня].

Та нелепо копировала взрослый макияж. Эта же была чистой... но покрытой швами. Множественными следами зашивания.

Увидев их, она беззвучно вскрикнула — и с такой скоростью, что Лу Хуэй не успел среагировать, нырнула в зеркало!

Лу Хуэй даже руку не успел поднять. Мин Чжаолинь рванул вперёд, но опоздал.

Слишком быстро. Да и стоял он позади, поэтому не успел.

Слова были не нужны. Оба мгновенно развернулись и бросились в разные стороны — крушить все зеркала.

Разделение обязанностей не обсуждалось: их маршруты не пересекались. В конце, по негласному согласию, они оставили лишь зеркало в комнате [Брата]. И тогда [Сестра] вынуждена была показаться.

Она не могла прятаться в переходе между мирами. В зеркальном мире остались лишь её двойники. Перебросить себя в другое зеркальное пространство могла только проекция.

Она возникла здесь. В изначальном зеркале. Лишь её отражения способны путешествовать по временным линиям.

Увидев Лу Хуэя и Мин Чжаолиня, она исказилась в ужасе — будто перед ней два маньяка, жаждущих сожрать ребёнка.

Но Лу Хуэй не позволил себе расслабиться. Его пальцы сжали рукоять ножа-бабочки, готовые к действию.

Не говоря ни слова, он отступил на шаг — уступая инициативу более проворному Мин Чжаолиню.

Тот ринулся вперёд.

[Сестра] зажмурилась, беззвучно закричала — и вокруг Мин Чжаолиня прямо из воздуха возникли зеркала. Они окружили его со всех сторон, отражая его образ. В следующее мгновение все отражения одновременно нанесли удар сквозь стекло!

Зрачки Лу Хуэя сузились. Он уже собирался броситься на помощь, но Мин Чжаолинь резко откинул волосы, перекрутился в воздухе, используя остатки «Ветра», и хрипло выдохнул:

— Ветряные клинки!

Бесчисленные лезвия ветра, рождённые его вращением, вырвались наружу и превратили все зеркала в пыль!

Но это не остановило Лу Хуэя. Уклоняясь от осколков, он рванул к девочке:

— Мин Чжаолинь! Зеркало у неё на шее!

Оно было точь-в-точь таким, какое сжимал в руках скелет [Брата]!

Мин Чжаолинь только успел глянуть, а девочка уже схватила кулон и прижала к груди. Но это не имело значения.

— Сыграем в паре.

— Конечно.

Лу Хуэй скользнул вбок, блокируя ей путь к отступлению, краем глаза следя за Мин Чжаолинем.

Он внезапно задрал штанину — и на свет выступила крепкая, словно сталь, икра. Быстрым, уверенным движением провёл пальцем по коже — и в руке оказалась знакомая игла.

Затем беззаботно распылив спрей на рану, они замкнули кольцо вокруг девочки.

Та больше не пряталась, не кричала. Её взгляд стал хищным, как у загнанного кролика, готового вцепиться в горло. Из швов на её теле хлынули осколки зеркал.

Лу Хуэй цокнув языком, вынужденно отпрыгнул...

Но Мин Чжаолинь, этот сумасшедший, не уклонился. Напротив — бросился навстречу!

Лу Хуэй раскрыл рот, глаза округлились... и в эту долю секунды он вспомнил: нечувствительность к боли — это ведь его, Лу Хуэя, задумка.

Даже если в деревне Цзюаньлоу Мин Чжаолинь впервые ощутил боль, сейчас он её не чувствует. Для него ранение — лишь тупое ощущение. Ничего больше.

...Это он сделал Мин Чжаолиня таким.

Мысль пронзила Лу Хуэя — и он резко вернулся в реальность.

Он осознал: зеркальная поверхность на теле босса влияет на его эмоции. Лу Хуэй тихо цокнул языком, увидел, как во время переворота Мин Чжаолиня неизбежно разорвало одежду, и без колебаний ринулся вперёд.

Девочка, чьё тело покрывали зеркальные осколки, выглядела настоящим монстром. Её фигура была скрыта под слоями перекрывающихся зеркал — до неё было невозможно дотянуться.

Осколки можно было срезать, но проблема в том, что они мгновенно отрастали обратно — в мгновение ока.

Карта персонажа Лу Хуэя обладала атрибутом [Огонь], бесполезным против зеркал. Остальные карты тоже не подходили, да и сам Лу Хуэй пока не хотел их использовать.

С силой наступив на зеркало, он раздавил несколько осколков и сквозь зубы бросил:

— Мин Чжаолинь! У тебя же осталось одно применение способности?!

— Использовал.

Ответил без тени смущения Мин Чжаолинь, изящно уклонившись от осколков.

Игла в его руке закрутилась, словно диск, но оказалась настолько острой, что в мгновение ока срезала несколько зеркальных осколков — и чуть не достигла шеи девочки!

Но в этот самый момент срезанные осколки внезапно взлетели и устремились прямо к нему!

Мин Чжаолинь прищурился и вынужден был отступить, сделав сальто назад.

— Скоро час Крысы...

Лу Хуэя тоже задело — он подпрыгнул и приземлился на кровать на одно колено, расправив пальцы для опоры. Движение вышло невероятно грациозным.

Он нахмурился:

— Если тянуть дальше, её сила будет только расти!

Едва он это произнёс, как все осколки в комнате — большие и маленькие — взмыли в воздух.

Лу Хуэй широко раскрыл глаза:

— Мин Чжао...

Не договорив, он почувствовал, как Мин Чжаолинь бросился вперёд, подхватил его за талию и рванул к двери, идеально рассчитав траекторию.

Одной рукой держа Лу Хуэя, другой распахнув дверь, он выскочил наружу и прижал Лу Хуэя к полу, прикрыв своим телом.

Вместе с грохотом двери, врезавшейся в косяк, раздался глухой, но отчётливый звук бесчисленных осколков, вонзающихся в дерево.

Лу Хуэй только начал приходить в себя после падения, как Мин Чжаолинь снова подхватил его за талию, прижал к себе и перекатился в сторону.

В тот самый миг, как они откатились, дверь не выдержала напора осколков разного размера и взорвалась, и осколки пронеслись вплотную мимо них.

Когда головокружение прекратилось и Лу Хуэй замер, на его щеку упала капля крови — он замер в изумлении.

Он посмотрел на Мин Чжаолиня, который уже поворачивал голову к разбитой двери, и увидел порез на его совершенном лице.

Лу Хуэй не был Мин Чжаолинем. Он не был персонажем, созданным им самим — он не мог быть полностью невосприимчив к влиянию инстанса.

Слишком много раз он смотрел в зеркала и некоторые эмоции всё же пробудились. На мгновение его охватила путаница, в голове зазвучали разрозненные голоса, будто сломанный радиоприёмник с перебивающимися станциями. Какофония едва не заставила его потерять контроль.

— А-Мань.

Голос Мин Чжаолия — возбуждённый, почти садистский, с интонацией человека, только что слизавшего с губ кровь, — вытащил его из этой бездны:

— Теперь ситуация усложнилась? Час Крысы ещё не наступил?

Лу Хуэй пришёл в себя, приоткрыл рот и почти инстинктивно ответил:

— Должно быть, нет... Но осталось меньше десяти минут.

Он машинально повернул голову в направлении взгляда Мин Чжаолия и увидел, как монстр из зеркал, ещё больше увеличившийся в размерах, разорвал стену и медленно, шаг за шагом, вышел наружу. Именно эта неторопливость создавала ощущение подавляющей угрозы.

Лу Хуэй: «.....»

Действительно, ситуация была непростой.

Его мысли полностью вернулись к инстансу. Он глубоко вдохнул.

Хорошая новость: подоспела помощь.

Вэнь Юаньшуй появился с другой стороны от зеркального монстра. Увидев его, он мгновенно утратил часть своих благородных качеств:

— Твою мать.

Монстр обратил на него внимание, приподнял руку — но Вэнь Юаньшуй не дождался атаки и немедленно активировал свою способность.

[Властитель · Клетка]!

Откуда-то возникла клетка, которая мгновенно поймала зеркального монстра!

Именно сейчас!

Лу Хуэй с Мин Чжаолинем мгновенно вскочили и бросились к зеркальному монстру.

Одновременно с этим Лу Хуэй крикнул:

— Вэнь Юаньшуй, оглуши его! Только монстра!

Он не забыл их прошлое кошмарное взаимодействие и вдруг осознал, что не все такие, как Мин Чжаолинь. Поэтому в конце добавил уточнение —

чтобы Вэнь Юаньшуй случайно не оглушил и их двоих.

У Вэнь Юаньшуя не было такой скорости реакции, как у них. Он даже не успел возмутиться — просто сделал, как сказали. А в голове мелькнуло:

Чёрт, почему это так знакомо?!

К счастью, [Властитель · Устрашение] не истощал силы так, как [Властитель · Меч Правителя]. Вэнь Юаньшуй пошатнулся, перед глазами поплыли звёзды, но до прошлого позора не докатился.

Под действием [Властитель · Клетка] и [Властитель · Устрашение] зеркальный монстр явно замешкался!

Именно в этот миг Лу Хуэй и Мин Чжаолинь одновременно ударили.

Мин Чжаолинь оказался первым: одной рукой иглой снёс все зеркала, закрывающие шею, другой — голый ладонью врезал в место, где зеркала уже начали отрастать. Почувствовав за спиной не только Лу Хуэя, но и летящие осколки, он рывкнул:

— Вэнь Юаньшуй!

Резкий окрик заставил того вздрогнуть, и он инстинктивно применил способность ещё раз:

— [Властитель · Устрашение]!

От этого удара его скрутило, тошнота подступила к горлу. Увидев, как Лу Хуэй с Мин Чжаолинем замахнулись оружием, он не выдержал — рухнул на колени и его вырвало желчью.

Всё-таки сам себя довёл до жалкого состояния.

Под действием повторного [Устрашения] летящие осколки замерли. Мин Чжаолинь развернулся, отбивая их, а Лу Хуэй отбив часть из них, тут же наступил на сгиб руки Мин Чжаолиня, взмыл вверх и вновь рассёк отрастающие зеркальные осколки. Второе [Устрашения] замедлило их рост, но, когда Лу Хуэй потянулся к красному шнуру у самого центра, не смог избежать пореза.

Рванув шнурок, он почувствовал, что [Сестра] вырвалась из-под влияния [Властителя]. Вэнь Юаньшуй получил двойной откат — и из горла хлынула кровь.

Но и у Лу Хуэя с Мин Чжаолинем ситуация была не радужной.

В тот же миг все зеркала превратились в острые шипы и устремились к Лу Хуэю!

Уклониться он не успел. Мин Чжаолинь резко обхватил его, прижав к себе. Лу Хуэй увидел, как все осколки взметнулись вверх — капюшон сорвало, Мин Чжаолинь прижал его к груди и, полностью закрывая своим телом, рванул в сторону!

Уклоняться Мин Чжаолинь умел отлично. Но даже он не мог превратиться в волосок, чтобы проскользнуть сквозь все щели.

Поэтому, когда острая боль пронзила икру, Лу Хуэй рухнул на пол. Он стиснул зубы, но никого в этом не винил.

Ведь, хоть он и был прижат к груди Мин Чжаолиня, он почувствовал, что их ноги пронзили одновременно!

...Больно.

Сначала — онемение. Потом — ледяной пот, дрожь в руках, сжимающих зеркало. Перед глазами мелькали обрывки картинок.

Он будто увидел лицо Мин Чжаолиня. Тот поднял руку...

Забрал зеркало из его пальцев — и с хрустом сжал.

Монстр замер. Все зеркальные осколки на её теле рассыпались в пыль.

В последний миг, когда чёрные точки перед глазами рассеялись, Лу Хуэй увидел, как девочка в отчаянии тянула к ним руку, глядя на зеркало. Её губы шевелились — с болью и раскаянием.

Звука не было. Но Лу Хуэй, умеющий читать по губам, услышал:

— Нет...

— Брат!

— Брат...

И последнее — «Прости» — разбилось вместе с её телом.

Лу Хуэй пошевелил губами. Боль не давала вымолвить ни слова.

Он тяжело дышал, уголки глаз покраснели.

Даже когда осколок в ноге исчез, рана осталась. То, что он не потерял сознание от боли — уже победа.

Мин Чжаолинь чуть пошевелился, сняв давление с его ноги, но облегчения это не принесло.

Лу Хуэй смотрел, как тот молча брызнул на рану лекарством. Но средство не могло мгновенно заглушить нервную боль.

Тогда Лу Хуэй схватил его за руку и прохрипел:

— ...Снаружи всё пройдёт. Не трать.

Голос сорвался от боли.

У Мин Чжаолиня ран было не меньше — он прикрыл Лу Хуэя от основного удара. Но боли он не чувствовал.

Поэтому, когда последние осколки рассеялись и раздался долгий гудок системы, Мин Чжаолинь вдруг наклонился и легко дунул на рану на икре Лу Хуэя.

Лу Хуэй застыл.

— Бииниип —

Этот системный звук будто взорвался у него в груди.
